

«Полное идейное оправдание жизни»

«Час памяти», приуроченный к годовщине освобождения концентрационного лагеря Освенцим советскими солдатами 27 января 1945 года, проходит в бундестаге ежегодно с 1996 года.

За год до освобождения Освенцима, 27 января 1944 года, закончилась 900-дневная блокада Ленинграда, стоившая городу миллиона жертв. Переживший блокаду Даниил Гранин расскажет о том, как это было.

«еликий город с областной судьбой» не смел вспоминать о блокаде», — пишет Даниил Гранин в «Блокадной книге». Мы часто воспринимаем Гранина именно как писателя-историка, документалиста, автора, занимающегося ключевыми сюжетами для Петербурга: то Петром еликим, то блокадой. И боровшегося с советской цензурой именно за восстановление конкретной, документальной правды о блокаде. Конечно, это упрощение, какая-то легенда, создавшаяся вокруг Гранина. Я задался вопросом, о чем на самом деле пишет Гранин, и попросил высказаться по этому поводу его коллег — петербургских литераторов.

«СТРАШНО ВСПОМИНАТЬ»

Вот, например, в новой его книге «Человек не отсюда» читаем:

«На литературе лежит обязанность сотворить Нюрнбергский процесс над Сталиным. Со дня XX съезда — культ разоблачили и оробели. Опять топчемся, мнемся. Начнем говорить — поперхнемся. Чего бояться? Сказать, что правил нами изувер, преступник. Его проклясть надо, прах сжечь, развеять, как это сделали с гитлеровскими палачами. Мы будем все так же барахтаться в грязи, пока власть наша не наберется смелости осудить всю преступную сталинскую клику».

Значит, Гранина заботит проблема восстановления памяти вообще обо всем сталинском периоде? А может быть, для него важна память — и особенно ее отсутствие, забывание, умолчание — в более универсальном, философском уже смысле?

— Главная проблема в прозе Гранина — проблема памяти, — говорит писатель Николай Крыщук. — Почти во всей его художественной прозе речь идет об этом. Человек не хочет вспоминать. Он боится памяти. Проблема, я думаю, не только ге-

роя, но и всей страны. Вспоминать-то было страшно. Опасно было помнить реальные 30-е годы. Страшно было помнить войну — потому что она тоже была совсем не такой, как в прессе. Страшно было любому человеку вспоминать себя самого.

Герои документальной прозы, блокадники, вспоминал Гранин о своей «Блокадной книге», тоже отказывались поначалу разговаривать. «Как правило, они при первой встрече ничего не хотели рассказывать, не хотели возвращаться в то страшное время, в голод и холод, в загрязненные квартиры, в свое первобытное состояние...»

В психологии это называется «вытеснение». Отсюда эта амнезия. Скажем, у Пруста и у Набокова память структурируется, выстраивается определенным образом. А у Гранина герой сопротивляется памяти. Разными сюжетными ходами его вовлекают в процесс воспоминания. Есть у него замечательная повесть «Наш комбат». Комбат едет со своими однополчанами на место боев под Ленинградом. Они празднуют, радуются, вспоминают. А он постепенно начинает им рассказывать,

что все было не так. Что воевали они плохо. И что погубили товарищей, потому что плохо воевали. И это страшно ранит его товарищей. Один из них говорит: «Что же ты сделал со мной? Кто я теперь? Чего я инвалид? Твоей халатности? Да? На кой, извиняюсь за выражение, ты мне тут раскрывал. Я-то гордился: бывший политрук знаменитого батальона, какой у нас комбат был — полководец! Я с воспоминаниями выступал. Допустим, после войны у меня все кувырком, никаких особых достижений. Не имею заслуг. Но война у меня — настоящий пункт биографии, никаких сомнений. Полное идейное оправдание жизни. Ты, значит, обнаружил, признался, очистился. А мне что прикажешь? Ты обо мне подумал? Ты мой командир, обязан ты... подумал, что ты у меня отобрал? Может, самое дорогое... Под конец жизни. Что у меня впереди? У меня позади все. Выходит, и позади под сомнением, наперекосьяк...»

«ЭТО ЕГО УДАЧА — БЫТЬ ЧАСТЬЮ СВОЕЙ СТРАНЫ»

В какие-то моменты герои и автор сходятся в одну точку. Гранин пишет уже о самом себе в эссе «Страх»:

«И я вел себя так же. Ничем не лучше других. Внутренне возмущался, в крайнем случае в кругу друзей высказывался, и то осторожно, а так, чтобы открыто — не смел. На фронте не трусил, здесь же, в мирных условиях, когда речь о жизни — смерти не шла, — боялся. Почему? — спрашивал я себя. Спрашивал и других. Что нам грозит? Ничего особенного, не расстреляют... Нет, логика не помогала. Что-то иррациональное было в нашем поведении. На фронте был долг, была ненависть, было ясное, всеобщее понимание мужества. Здесь же... А вот не смели переступить. Чего переступить — не знаю. Удивительно, как лихо еще недавно поднимались и шли в атаку те, кто так робко поднимался на трибуну и лепетал там что-то против своей совести».

Логика действительно не помогает, и на вопросы «почему?», «что впереди?» невозможно ответить однозначно и односложно. Специфика жизни в тоталитарном обществе, «воспитанная беспомощность»... Очевидно, тут и не нужно отвечать — необходимо, опираясь на вопрос, двигаться куда-то дальше, за пределы проблемы. Но какие тут могут быть ответы, какое может быть новое «идейное оправдание жизни»? Религия дала бы один ответ. Философия — другой. Гранин, пожалуй, выбирает третий путь: он пытается сконструировать национальный миф, поднимаясь к нему от самых простых вещей, от повседневной заботы.

— В том, что Гранин — писатель очень социальный, нет никаких сомнений, — говорит писатель Александр Мелихов. — Он вернулся к чисто экзистенциальным мотивам — жизни, смерти — уже в самых последних своих вещах, лирических, вроде «Причуд моей памяти». И ведь даже в «Моем лейтенанте» фраза героя: «Мы будем вновь и вновь возвращаться к моему времени, оно было героическим и красивым» — рассматривает эти темы с точки зрения социальной, исторической. Когда мы с ним вели беседы, опубликованные в журнале «Октябрь», я все время пытался разговор повернуть на вечное. А он говорил о том, почему произошла авария на Саяно-Шушенской ГЭС, почему перестали шить хорошие костюмы, почему исчезло ремесленничество... В общем, его действительно до сих пор волнуют самые злободневные проблемы. Почему чиновники сейчас не встают на встречу посетителям? Почему некому пожаловаться на свои проблемы? Самые обычные, злободневные вещи. Конечно, когда он остается наедине с собой — на верное, думает об ушедших годах, о потерянных близких. И в книге «Причуды моей памяти» это звучит очень громко. И все-таки Гранин, как это ни высокопарно звучит, живет одной жизнью со страной. То, что происходит с ней, его беспокоит в первую очередь. И это, несомненно, достойно восхищения.

Мне кажется, и все его поколение в значительной степени было поколением героев, которое жило одной жизнью со своей страной. Для выживания, для развития совсем не нужно, чтобы все население было таково — достаточно 3 — 5 процентов аристократии, которая все решает. От аристократии зависит будущее страны — нравы, экономика, международные отношения... Вообще, по моей концепции, патриотизм, как и любая идеология, религия, — это форма защиты от ужаса нашей смертности в космосе. Слияние с чем-то могущественным и долговечным. Но эта форма защиты — самая плодотворная и благородная. Это лучше, чем защищаться деньгами, наркотиками и бабами.

Борьба Гранина за «Блокадную книгу» в большой степени была борьбой за восстановление исторической правды. Это тоже национальная, социальная проблема. Но у Гранина есть ряд очерков и о том, что нужно сохранять материальную культуру советского прошлого — керосинки, продовольственные карточки... Ясно, что великие подвиги не излагаются в памяти. А вот быт забудется. Только когда социальное невольно становится символом чего-то большего, оно сохраняется. Народ живет не документальной историей, а воодушевляющей, мифологической. Сохранить воодушевление и при этом хотя бы какую-то часть исторической правды чрезвычайно трудно. Вообще жизнь с мечтой трудно сочетается. Гранину это удалось лучше, чем кому бы то ни было. Когда мы

Выход каждой книги Гранина — событие.

